

Человѣкъ и собака.

— Лиска, лягъ на ноги, да погрѣй ихъ, лягъ!—
стука отъ холода зубами, проворчалъ нищій, ста-
раясь подобрать подъ себя ноги, обутыя въ
опорки и обернутыя тряпками.

Лиска, небольшая желтая култыпая дворняжка,
ласково виляя пушистымъ хвостомъ и улыбаясь
во весь свой ротикъ съ рядомъ бѣлыхъ зубовъ,
поднялась со снѣга и легла на закорузлыя ноги
нищаго.

— Эхъ, Лисичка! и холодно-то намъ съ тобой,
и голодно! Кою ночь ночуемъ на морозѣ, а дѣ-
ваться некуда.... Въ ночлежныхъ обходы пошли,
какъ разъ „еъ дядѣ“ *) угодишь, а здѣсь, въ
саду, на лѣтнемъ положеніи то, хоть и не ахти

*) Въ тюрьму.

какъ, а все на волѣ.... Еще спасибо, что и такъ, подвалъ-то не забили.... И чего это въ саду домъ пустуетъ: лучше бы отколотили доски, да бѣдныхъ пущали.... А вотъ хлѣбушка-то у насъ съ тобой нѣтъ.... Ничего, до лѣта потерпимъ, а тамъ опять на вольную работу, опять въ деревню косить пойдемъ и сыты будемъ.... Въ лагерья сходимъ.... Солдаты говядинки дадутъ.... Нашъ братъ солдатъ собакъ любить.... Самъ я вотъ въ Турчинѣ собаченку взялъ щенкомъ въ лѣсу, какъ тебя же, выкормилъ, выходилъ и офицеру подарилъ. Въ Расею онъ ее взялъ.... „Чудакомъ“ звали собаку-то. Бывало командиръ подзоветъ меня и спросить: „Какъ звать собаку?“ — „Чудакъ“, молъ, ваше благородіе! А ёнъ, покелича не пойметъ, и обижается, думаетъ его чудакомъ-то зовутъ.... Славная собака была!... Вотъ и тебя, какъ ее, тоже паршивымъ щенкомъ досталъ, выкормилъ, да на горе.... Голодаемъ вотъ....

Лиска виляла хвостомъ и ласково смотрѣла въ глаза нищему....

Начало свѣтатъ.... На Спасской башнѣ пробило шесть. Фонарщикъ прошелъ по улицѣ и потушилъ фонари.... Красноватой полосой засвѣтлѣла зорька, погашая одна за другой звѣздочки, которыя вскорѣ слились съ свѣтлымъ небомъ.... Улицы оживали.... Завизжали желѣзные

петли отпираемыхъ гдѣ-то лавокъ.... Черныя бочки прогромыхали.... Заскрипѣли по молодому снѣгу полозья саней.... Окна трактира освѣтились огоньками....

Окоченѣлый отъ холода выползъ нищій изъ своего логова въ садъ, посплюнулъ пальцы, протеръ ими глаза, заплывшіе, опухшіе,—умылся,—и приласкалъ вертѣвшуюся у ногъ Лиску.

— Холодно, голубушка, холодно, ну полежи, милая, полежи ты, а я пойду пострѣляю *) и хлѣбушка принесу.... Ничего, Лиска, поправимся!... Не все же такъ.... Только ты-то не оставляй меня, не бѣгай.... Ты у меня, безроднаго бродяги, одна вѣдь. Не оставишь, Лиска?

Лиска еще пуще закулила передъ нищимъ и по его приказанію ушла въ логово, а онъ, съежившись и засунувъ руки въ рукава рванаго кафтана, зашагалъ по снѣгу къ блестящимъ окнамъ трактира....

— Сюда, ребята, закидывай сѣть, да захватывай подвалъ, тамъ навѣрное есть!—командовалъ рыжій мужикъ шестерымъ рабочимъ, несшимъ длинную верёвочную сѣтку, въ родѣ невода.

*) Посбираю милостыню.

Тѣ оцѣпили подвалъ, гдѣ была Лиска.

Она съ лаемъ выскочила изъ своего убѣжища и какъ разъ запуталась въ сѣти. Рыжій мужикъ схватилъ ее за ногу. Она пробовала вырваться, но была схвачена желѣзными щипцами и опущена въ деревянный ящикъ, который поставили въ фуру, запряженную рослой лошадью. Лиска билась, рвалась, выла, лаяла, и уснокоилась только тогда, когда ее выпустили на обширный дворъ, окруженный хлѣвушками съ сотнями клѣтокъ, наполненныхъ собаками.

Нѣкоторые изъ собакъ гуляли по двору. Тутъ были и щенки, и старыя, и дворовыя, и охотничьи собаки,—словомъ, всѣхъ породъ. Лиска чувствовала себя не въ своей тарелкѣ и робко оглядывалась. Изъ конторы вышелъ полный коротенькій человѣкъ и, увидавъ Лиску, спросилъ:

— Это откуда такая красавица?... совсѣмъ лисица, и шерстью, и хвостомъ, и мордочкой.

— Бродячая, въ саду взяли....

— Славная собачка! не сажать ее въ клѣтку, пусть въ конторѣ живетъ, а то псовъ прорва, а хорошаго ни одного нѣтъ.... Кличка ей будетъ „Лиска“.... Лиска, Лиска, иси-сюды!

Лиска, услыхавъ свое имя, подбѣжала къ коротенькому человѣчку и завилала хвостомъ.

Ее накормили, устроили ей постель въ сѣняхъ

конторы, и участь ея была обезпечена,—она стала общей любимицей....

*
* *

Только что увезли ловчіе Лиску, возвратился и бродяга въ свой подвалъ. Онъ удивился, не найдя въ немъ своего друга, и заскучалъ. Ходилъ цѣлый день какъ помѣшанный, искалъ, кликалъ, хлѣба въ подвалѣ положилъ (пущай, молъ, дура, поѣсть съ голодухи-то, набѣгается ужо!), а Лиски все не было.... Только вечеромъ услыхалъ онъ разговоръ двухъ купцовъ, сидѣвшихъ на лавочкѣ, что собакъ въ саду „ловчіе переимали“ и въ собачій пріютъ увезли.

— Въ какой пріютъ, ваше степенство?—вмѣшался въ разговоръ нищій, подстрекаемый любопытствомъ узнать о судьбѣ друга.

— Такой ужъ есть, выискались вишь добрые, вмѣсто того, чтобы людей вотъ вродѣ тебя напоить-накормить, да отъ непогоды пригрѣть,—собакамъ пансіонъ устояли.

— Вродѣ какъ богадѣльня собачья!—вставилъ другой,—и берегутъ и холятъ.

Поблагодарилъ бродяга купцовъ и пошелъ дальше, куда глаза глядятъ.

Счастливъ хоть однимъ былъ онъ, что его Лискѣ живется хорошо, только никакъ не могъ въ толкъ взять, кто такой добрый человекъ нашелся,

что устроилъ собачью богадѣльню, и почему на эти деньги (а стоитъ, чай, не мало содержать псовъ-то) не сдѣлали хоть ночлежнаго угла для голодныхъ и холодныхъ людей, еще болѣе безпріютныхъ и несчастныхъ, чѣмъ собаки (потому собака въ шубѣ,—ей и на снѣгу тепло). Не мало онъ подивился этому.

Прошло три дня. Сильно заскучалъ бродяга о своемъ культипомъ другѣ (и ноги-то погрѣть некому, и словечушка не съ кѣмъ промолвить!) и рѣшилъ наконецъ отыскивать пріютъ, гдѣ Лиска живетъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть, каково ей тамъ (не убили ли ее на лайку, али бо што).

Много онъ народу переспросилъ о томъ, гдѣ собачья богадѣльня есть, но отвѣта не получалъ: кто обругается, кто посмѣется, кто копѣечку подастъ, да жалѣючи головой покачиваетъ,—„спятилъ, молъ, съ горя!“ Ходилъ онъ такъ недѣли зря. Потомъ, какъ чуть брежжить стало, увидалъ онъ въ Охотномъ ряду, что какіе-то мужики сѣткой собакъ ловятъ, да въ карету сажаютъ, и подошелъ къ нимъ.

— Братцы, не вы ли недавнысь мою Лиску въ саду пымали? Така собаченка желтенькая культипая....

— Тамъ вотъ пымали въ подвалѣ подъ старымъ трактиромъ.... Какъ лисица, такая....

— Это она! Самая она и есть!

— Ну, пымали, у насъ живетъ, смотритель въ себѣ взялъ, говядины не въ проѣдъ даетъ....

— А гдѣ ваша бог....

Но бродяга не договорилъ,—вдали показался городской. („Фараонъ *) триклятушій, и побалакать не дастъ,—того и гляди „подъ шары“ **) угодишь, а тамъ и „къ дядѣ“!)

Пошелъ бродяга собачью богадѣльню разыскивать. Идетъ и думаетъ. Вспомнилось ему прежнее житье-бытье.... Вспомнилъ онъ родину далекую, болотную; холодную „губерню“, вспомнилъ какъ ѣлъ персики и инжиръ ***) въ Туречинѣ, когда „во вторительную службу“ воевать съ чумазой туркой ходилъ.... Вспомнилъ онъ и арестантскія роты, куда на четыре года военнымъ судомъ осудили „за пьянство и промотаніе казенныхъ вещей“.... (—Ужъ и вешши! Рваная шинелишка—рунь цѣна—да сапоги старые, въ коихъ зимой Балканы перевалилъ, да по колѣно въ крови ходилъ!—).... Выпустили его изъ арестантскихъ ротъ и волчій билетъ ему дали (какъ есть волчій, почетъ вездѣ какъ волку бѣшеному—ни тебѣ работа, ни тебѣ ночлегъ!). Потерялъ онъ и этотъ

*) Городовой.

**) Въ часть.

***) Винныя ягоды.

свой билетъ волчій, и стали его какъ дикаго звѣря ловить: поймають, посадятъ въ острогъ, на родину пошлютъ, потомъ онъ опять оттуда уйдетъ.... Нѣсколько лѣтъ такъ таскали. Свыкся онъ съ бродяжной жизнью и съ острожнымъ житьемъ-бытьемъ. Однако послѣдняго боялся теперь, потому-что общество его отказалось принимать, и если „пымають, то за бугры, значить, жигана водить“ *).

А Сибири ему не хотѣлось!...

*
* *

Опустилась надъ Москвой ночь—вьюжная, холодная.... Назойливый, рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ насквозь лохмотья и рѣзалъ истомленное почернѣвшее отъ бродяжной жизни лицо стараго бездомника. А все шагаль онъ по занесеннымъ снѣгомъ улицамъ Замоскворѣчья, пробираясь къ своему убѣжищу.... Былъ онъ у „собачьей богадѣльни“ и Лиску на дворѣ видѣлъ, да опять „фараоны“ помѣшали. Дальше пошелъ онъ. Вотъ Москва-рѣка встала передъ нимъ черной пропастью.... Справа, вдаль, сквозь вьюгу чуть блестѣли электрическіе фонари Каменнаго моста.... Онъ не пошелъ на мостъ и спустился поясь въ снѣгу на ледъ Москвы-рѣки.

Бродяга съ утра ничего не ѣлъ, утомился и

*) „За бугры жигана водить“—въ Сибирь.

еле-передвигалъ окоченѣвшія, измокшія ноги.... Наконецъ, подлѣ проруби, огороженной елками, силы оставили его и онъ, упавъ на мягкій, пушистый сугробъ, началъ засыпать....

Чудится ему, что Лиска пришла къ нему и грѣетъ его ноги.... что онъ лежитъ на мягкомъ лазаретномъ тюфякѣ въ теплой комнатѣ и что изъ окна ему видны Балканы, и онъ самъ же, съ ружьемъ въ рукахъ, стоитъ по шею въ снѣгу на часахъ и стережетъ старые сапоги и шинель, которые мотаются на веревкѣ.... Изъ одного сапога вдругъ лѣзетъ фараонъ и грозитъ ему....

На третій день послѣ этого, дворники, сидя у воротъ, читали въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*, что:

„Вчерашняго числа на льду Москвы-рѣки, въ сугробѣ снѣга, подъ ёлками, окружающими прорубъ, усмотрѣнъ полиціей неизвѣстно кому принадлежащій трупъ, повидимому солдатскаго званія и не имѣющій паспорта. Къ обнаруженію званія приняты мѣры“.

А кому нуженъ этотъ бродяга по смерти? Кому нужно знать, какъ его зовутъ, если при жизни-то его, безроднаго, безпріютнаго, никто и за человѣка съ его волчьимъ паспортомъ не считалъ.... Никто и не вспомнитъ его! Развѣ когда будутъ копать на его могилѣ новую могилу для какого-нибудь усмотрѣннаго полиціей „не извѣстно кому принадле-

жащаго трупа“—могильщикъ, закопавшій не одну сотню этихъ безвѣстныхъ труповъ, скажетъ:

— Человѣкъ вотъ былъ тоже, а умеръ хуже собаки!...

Хуже собаки!...

*
* *

А Лиска живетъ себѣ и до сихъ поръ въ собачьемъ пріютѣ и ласковымъ лаемъ встрѣчаетъ каждаго посѣтителя, но не дожидется своего воспитателя, своего искреннаго друга.... Да и что ей? Живется хорошо, сыта до отвалу, какъ и сотни другихъ собакъ, содержащихся въ пріютѣ.... Ихъ любятъ, холятъ, берегутъ, ласкаютъ....

Развѣ иногда голодный, безпріютный бѣднякъ посмотритъ въ щель высокаго забора на собачій обѣдъ, разносимый прислугой въ дымящихся ко-рытахъ, и скажетъ:

— Ишь ты, житье-то, лучше человѣчьяго!

Лучше человѣчьяго!
